

Иерусалимский Софроний Житие Марии Египетской

Статья первая

«Тайну Цареву прилично хранить, дела же Божии открывать и проповедовать похвально», – так сказал Архангел Рафаил Товиту после того, как преславно прозрели ослепленные его очи. Потому что боязненно и пагубно есть не хранить государственной тайны, но если умалчивать и о преславных делах Божиих, великий вред душам от того происходит.

«Потому и я, – говорит святой Софроний, – одержим благоговейным страхом, запрещающим мне Божии дела скрыть в молчании, вспоминая из Евангелия вину ленивого раба, данный ему талант для получения прибыли закопавшего в землю, не пуская его в оборот, и осужденного за то Господом. Посему не умолчу никак, объявлю повесть святую, до меня дошедшую!

Не только никто не будь неверующим в то, что я пишу, пусть никто не подумает, что я дерзаю говорить ложное, да не усумнится в вещи сей великой. **Не буди мне лгати на святых!**

Если же и найдутся некоторые, которые, получив сие писание, затруднятся веровать, дивясь великому сему делу, и оным **милостив** да будет Господь: такие люди, зная немощь человеческого естества, странным и невероятным считают то, что о людях возвещается нечто чудесное и преславное.

Но уже подобает начать повесть о вещи сей предивней, бывшей в роде нашем.

Был некий старец в одном из палестинских монастырей, украшенный благонаравием жизни и благоразумием слова, хорошо наставленный от самых младенческих пелен в иноческих подвигах. Имя старцу тому – **Зосима**. Он прошел все подвиги иноческого жития, сохранил всякое правило, преданное от совершенных иноков, и все то совершая, никогда не пренебрег поучением Божественных словес, но, и ложась, и вставая, и в руках имея рукоделие, и вкушая пищу (если можно назвать пищею то, что он весьма помалу вкушал), одно дело имел неумолкающее, никогда не прекращающееся – это всегда хвалебно славословить Бога, и Божественных слов творить поучение.

Будучи отдан с самага младенчества в монастырь, Зосима до пятидесяти трех лет благоуспешно подвизался в нем постническими трудами.

Но потом стали его беспокоить некие смущения. Ему стало казаться, что он как бы во всем был уже совершен, что ему уже не нужны теперь наставления других, и он говорил мыслию в себе: «Есть ли на земле монах, который мог бы мне принести духовную пользу, показав мне образец постничества, который я еще не соделал? И найдется ли в пустыне человек, превосходнейший меня в делах моих?»

Когда старец так в себе помышлял, явился ему Ангел и сказал: «**О Зосима! Хорошо**, как можно только человеку, **хорошо** ты подвизался, **хорошо** протек ты постнический подвиг. Однако, никого нет среди людей, который показал бы себя вполне совершенным. Есть большие подвиги, опередившие то, что тебе известно. И чтобы тебе познать, **сколько есть ко спасению иных путей**, изыди из земли твоей, как оный Авраам великий в патриархах, и иди в монастырь, находящийся при реке Иордане».

И тотчас старец, покоряясь говорящему, вышел из монастыря, в котором от младенчества иночествовал, и достиг Иордана, наставленный от зовущего его в оный монастырь, в котором быть повелел ему Бог. Постучав же рукою во врата монастырские, нашел привратника и прежде всего сказал ему о себе, а тот известил игумена, который и принял Зосиму.

Увидев его в обличии монаха, совершившего обычное поклонение и молитву, игумен спросил Зосиму: «Откуда ты, брат? И чего ради пришел к нам, нищим старцам?» Зосима же отвечал: «Откуда пришел я, не нужно говорить. Ради духовной пользы пришел я, о отче! Ибо слышал я о вас великое и достохвальное, могущее душу присвоить Богу». Тогда сказал ему игумен: «**Бог**

Един, брате, Исцеляющий немощь души. Он и тебя, и нас да научит Своим Божественным хотениям, и да наставит всех творить полезное. Человек же человека духовно пользоваться не может, если каждый не внимает себе и не делает полезное, бодрствуя духом, **Бога имея, с ним вместе Делающего.** Но если любовь Христова подвигла тебя видеть нас, убогих старцев, то пребывай с нами, коли ради этого ты сюда пришел. **И всех нас напитает благодатию Святаго Духа Пастырь Добрый, Давший Душу Свою избавление за нас».**

Когда игумен сказал это, Зосима поклонился ему, испросив молитву и благословение и сказав: «Аминь!», стал жить в монастыре том.

Видал он там старцев, сияющих творением добрых дел и Богомыслием, духом горящих, Господу работающих. Пение их было непрестанное, стояние всенощное, в руках всегда делание, в устах их псалмы. Не слышно было среди них ни одного праздного слова, о приобретении тленных прибытков, или о заботе какой житейской не было у них и помину. Одно у них было только – и первое, и последующее старание – **иметь себя мертвыми телом.** Пищею же их были неоскудевающие словеса Божии. Тело свое питали они хлебом и водою по мере большего или меньшего к Божией любви разжжения.

Видя это, Зосима получал весьма великую духовную пользу, простираясь на предлежащий подвиг.

Прошло немало дней и приблизилось время святого Великого Поста. Надо сказать, что врата того монастыря всегда были заперты и никогда не отворялись, разве тогда только, когда вышел бы кто из братии, посылаемый ради общей потребности, ибо пусто было место то, и не только не входили туда никогда миряне, но даже не знали они о существовании там монастыря.

Был же в монастыре том особый чин, ради которого и Зосиму Бог туда привел. В первую неделю Великого Поста совершал пресвитер святую Литургию и все были причастниками Пречистаго Тела и Крови Христа Бога нашего, потом вкушали немного от пищи постнической. Затем собирались в церковь, и, сотворив прилежную молитву и достаточное количество коленопреклонений, целовали друг друга старцы, просили с поклонами у игумена благословения и моления, могущего силою Божией споспешествовать и сопутешествовать им. Затем отверзали монастырские врата, запевавши псалом **«Господь Просвещение мое и Спаситель мой, Кого убоюся, Господь Защититель живота моего, от Кого устрашуся...»** весь до конца и исходили все в пустыню. Оставались в монастыре хранителями его один или два человека из братии, и то не для охранения имений (ибо не имел монастырь тот чего-либо, похищаемого ворами), но чтобы храм монастырский не остался без Божественного служения. Все переходили реку Иордан, причем каждый нес с собой пищу, какую мог и хотел с собой взять, по мере телесной потребности каждого: один немного хлеба, другой – смоквы, третий – финики, иной же –

зерна, размоченные в воде. А кто и ничего не брал, только тело свое да рубища, которыми одет был; когда же естество телесное принуждало что-то вкушать, питался таковой растениями пустынными.

Так они, переправившись через Иордан, далеко расходились друг от друга, и не видел один другого, как тот постится, или как подвизается. Если же случалось кому увидеть другого, идущего по направлению к нему, он тотчас же уклонялся в сторону, **и жил один, Богу поя всегда**, и весьма мало в подобающие времена вкушая пищи.

Когда так уже весь Великий Пост заканчивался, возвращались монахи в монастырь к Воскресению последнему перед Пасхой, когда Церковь приняла праздновать Предпразднство Пасхи или Цветоносие (что у нас с вами называется Входом Господним во Иерусалим и Вербною неделей).

Каждый тогда возвращался, имея свидетелем пустынных своих трудов совесть свою, знающую, что он соделал. И отнюдь никто не спрашивал другого, как и каким образом совершил тот подвиг труда. Таков был устав монастыря того.

Тогда и Зосима, по обычаю монастырскому, переправился через Иордан, совсем немного неся с собою пищи ради потребности телесной и одежду, в которую был одет. Совершал же он свое молитвенное правило, идя по пустыне и вкушая по нужде пищу. Сна же имел мало, ночью немного почивал, к земле приклоняясь и садясь там, где заставала его ночь. И вставая весьма рано, снова шел. Желал же он проникнуть во внутреннюю пустыню, надеясь найти некоего из отцов, там подвизающихся, который мог бы принести ему духовную пользу. **И приложилось ему желание к желанию.** Идя двадцать дней, остановился он немного в пути, и, обратившись на восток, пел **Час шестый**, творя обычные молитвы: он немного останавливался в путешествии своем, при пении и поклонах каждого часа.

Когда же он стоял и пел, **увидел он направо от себя как бы тень человеческого тела**, сначала устранился, думая, что это привидение бесовское, и, придя в трепет, осенил себя крестным знаменем, и, страх отложив, уже оканчивая свою молитву, поглядел в южном направлении, и увидел некоего человека идущего, нагого телом, черного от солнечного загара. Волосы у него на голове были белы, как снег, и коротки, достигая только до шеи.

Увидя сие, Зосима начал бежать в ту сторону, радуясь радостью великою, ибо не видел в те дни ни человека, ни какого-либо животного.

Когда же то «**видение**» увидело Зосиму, издавеча идущего, начало бежать с поспешностью во внутреннюю пустыню. Зосима же, как бы забыв свою старость и тяжесть путешествия, быстро бежал, желая догнать «**бежащее**», и так этот догонял, а тот убегал, но бег Зосимы был скорее того «**бежащего**». Когда же Зосима приблизился настолько, что можно было уже слышать его

голос, начал он **вопить со слезами**, говоря: «Зачем бежишь от меня старца грешного, **раб Истинного Бога**, Коего ради и в пустыне сей живешь? Подожди меня, недостойного и немощного. Подожди, ради надежды воздаяния Божия за твои труды. Стань, и подай мне, старцу, молитву твою и благословение, ради Бога, Который никого не возгнушался».

Пока Зосима со слезами это говорил, они еще более приблизились друг к другу, бежа к некоему месту, которое имело вид как бы русла высохшего потока. Когда оба прибежали на то место, **«бежащее»** достигло того берега потока. Зосима же в крайнем утомлении, не имея сил больше для бега, остановился на этом берегу и **«приложил к слезам слезы, к воплю вопль»**, так что далеко разносились его рыдания.

Тогда **оное бежащее тело** издало такой глас: «**Авва Зосима**, прости меня Господа ради, что не могу, обернувшись, явиться тебе: ведь я – женщина, и, как видишь, нагая, стыд телесный имею непокровенным. Но если хочешь мне, жене грешной, подать молитву твою и благословение, брось мне что-нибудь из твоей одежды, я покрою наготу мою, и, обратившись, приму от тебя молитву. Тогда трепет, и страх великий, и ужас ума объял Зосиму, ибо услышал он, что **она зовет его по имени**, хотя раньше никогда его не видела и о нем не слышала. И сказал себе: «Если бы она не была прозорливой, не назвала бы меня по имени». И исполнил вскоре просьбу ее: снял с себя одежду свою, ветхую и раздранную, которую носил, бросил ей и отвернулся лицом от нее. Она же, взяв, покрыла часть тела своего, наиболее нуждающуюся в покрытии, как только было возможно, и, препоясавшись, обратилась к Зосиме и сказала ему: «Зачем пожелал ты, авва Зосима, грешную жену видеть? Что требуя от меня слышать, или чему научиться, не поленился ты подъять на себя толикий труд?» Он же, повергшись на землю, просил благословения от нея. Тогда и она поверглась ниц, и лежали оба друг против друга на земле, друг у друга благословения прося, и не слышно было от них обоих долгое время ничего другого, кроме: **«Благослови!»** По прошествии немалого времени сказала она женщина Зосиме: **«Авва Зосима! Тебе подобает благословить и молитву сотворить: ведь ты почтен саном пресвитерства, и, много лет Святому Алтарю предстоя, Божественных Таин Богу приносишь»**. Эти слова повергли Зосиму в еще больший страх, и трепетен был старец. Обливаясь слезами и стенья, говорил он к ней изнемогающим и перетружденным дыханием: «О, мати духовная! Ты приблизилась к Богу, зело умертвивши в себе все греховное. Тебя являет данное тебе от Бога **большее, чем у других, дарование: ты именем меня зовешь, и пресвитером** нарекла того, **кого никогда ни видела**. Поэтому **благослови сама Господа ради** и подаждь молитву требующему от твоего совершения». Тогда она, уступая прилежной просьбе старца, сказала: **«Благословен Бог, Хотящий спасения душам человеческим»**. Зосима отвечал: **«Аминь»**. И

встали оба от земли. Тогда сказала она старцу: «Чего ради ко мне, грешнице, пришел ты, человек Божий? Чего ради восхотел видеть женщину нагую, никакой добродетели не имущей? **Однако это благодать Святого Духа наставила тебя, чтобы ты некое служение совершил телу моему, когда это потребуется.** Скажи мне, отче, как христиане живут ныне, как цари и как святые Церкви?» Зосима отвечал: «Молитвами святыми вашими Бог даровал крепкий мир. Но прими мольбу недостойного старца и помолись Господа ради о мире и обо мне, грешном, чтобы не осталось для меня бесплодным это пустыннохождение». Она же отвечала ему: «Тебе **более достойно, авва Зосима, как имеющему священный сан, за меня и за всех молиться, ибо ты на то и поставлен.** Однако, поелику должны мы творить послушание, **сотворю** то, что ты мне повелел. Сказав это, она обратилась лицом на восток, **и воздев очи и руки к небу,** начала молиться тихо; и невозможно было разобрать ее молитвенных слов. Зосима не уразумел ничего из произнесенного ею, и стоял (как потом рассказывал) **в трепете,** ничего не говоря, и потупив взор свой к земле. Он призывал потом Бога во свидетели, говоря так: «Когда она медлила на молитве, я поднял немного очи от земли и увидел, что она **поднялась на земли на один локоть** (не ниже как **на полметра**) и так стояла в воздухе и молилась». Видя это, Зосима, одержимый еще большим страхом, поверг себя на землю, обливаясь слезами, и ничего не говорил, кроме – **Господи помилуй!** Когда он так лежал на земле, смутила его мысль, что это привидение и дух, который лишь притворяется молящимся. Но она, обратившись и подняв старца, сказала: «Авва Зосима! Зачем смущают тебя помышления о привидении, которые говорят тебе, что я – дух и молюсь притворно? Ей, молю тя, блаженне отче, да будет тебе известно, что я, хотя и грешная жена, однако ограждена святым крещением, и **не дух я в привидении,** но – земля, прах и пепел, и всячески плоть, так как никогда ничего духовного не помыслила. И сказав это, осенила крестным знаменем чело свое, очи, уста и перси, говоря так: «**Бог**, авва Зосима, да избавит нас от лукаваго и от ловления его, **ибо многа брань** (то есть война) **его на нас!**» Слышав и видев все это старец, пал ее к ногам и говорил со слезами: «Заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога, родившегося от Девы, Коего ради наготу сию носишь и плоть свою так умертвила, не скрой от меня твоего жития, но поведай мне все, чтобы **явным** сотворить величие Божие. **Скажи мне все** Бога ради; ведь ты скажешь это не для того, чтобы похвалиться, но чтобы возвестить о всем бывшем **с тобою** мне грешному и недостойному. Верую Богу моему, Которым ты живешь, что для того он и направил меня в пустыню сию, чтобы **все твое сотворить явным.** Нет ведь у нас силы противиться судьбам Божиим. Если не угодно было бы Христу Богу нашему, чтобы были узнаны ты и подвиги твои, то Он не явил бы мне тебя и не укрепил бы меня на столь трудный путь, ведь я никогда не хотел и

не мог (без нарочитого указания Божия) выйти из келии моей». Когда Зосима изрек эти и многие другие слова, она воздвигла его от земли и сказала ему: «Отче, прости меня, стыжусь поведать тебе срамоту дел моих, но поелику видел ты нагое тело мое, обнажу пред тобой и дела мои, чтобы ты узнал, какого стыда и срамоты преисполнена душа моя, **не ради похвалы** (как ты сказал) то, что было со мной, **поведаю тебе: чем могу похвалиться я, бывшая сосудом дьявола!?** Но если начну повесть о себе, придется тебе так бежать от меня, как люди бегут от змеи, не терпя слышать ушами все то **непотребное**, что я, недостойная, соделала. **Однако изреку, не умолчав ни о чем,** только заранее прошу тебя, не оскудевай молитвой за меня, чтобы мне получить милость в день суда.

Статья вторая

(после третьей песни Великого канона, малой ектении и седальна)

Зосима с великим желанием и с неудержимыми слезами приготовился слушать, а она начала повествовать о себе так: «Я, отче, рождена в Египте, и, когда мне было еще двенадцать лет и еще живы были мои родители, я отвергла себя от их любви, и отправилась в Александрию. **Стыжусь и помыслить**, не только подробно рассказывать, как я растлила мое первое девство, как начала творить неудержимое и ненасытное любодоежание; однако **скорее произнесу** то, что необходимо, дабы ты узнал о невоздержании плоти моей. Семнадцать и более лет провела я в **публичном блудодеянии**, не ради подарков или заработка: от некоторых, пытавшихся платить мне, я не пожелала ничего принять; это делала я для того, чтобы большее число людей привлечь к себе, которые охотнее спешили бы ко мне без денег и исполняли бы плотское мое желание. Не думай, что будучи богатой, не взимала я денег, наоборот – я жила в нищете, и много раз, голодная, лен пряла, но разжжение имела ненасытное всегда – **в тине блудной валяться; то почитала и жизнью, чтобы всегда творить бесчестие естества!** Так живя, увидела я в жатвенное время много мужчин египтян и ливиян, идущих к морю. Я спросила встретившегося мне человека: «Куда идут эти люди с таким старанием?» Он отвечал: «В Иерусалим, **Воздвижения ради Честнаго и Животворящаго Креста**, которое скоро праздноваться будет». И сказала ему: «Возьмут ли меня с собою?» Он отвечал: «Если имеешь плату за проезд, то никто тебе не возбранит». Тогда я сказала: «Брат, не имею я ни пищи, ни денег, но **пойду на корабль**, там и питать меня будут, и **собою** заплачу им за проезд». Я хотела идти с ними (прости меня, отче!), намереваясь как можно больше людей склонить к греховной моей страсти...

Отче Зосимо, **не принуждай** меня объявить тебе стыд мой, ибо **ужасаюсь я**. Господь знает, что **самый воздух оскверняю я словами моими!**»

Зосима же, омочая слезами землю, отвечал ей: **«Говори, Господа ради, мати моя, и не престань от полезной мне повести»**. Тогда она продолжала: «Гот юноша, услышав бесстыдство скверных моих слов, одержимый смехом отошел, я же побежала к морю, где среди спешащих на корабль увидела человек десять молодых, которые казались мне удобными для скверной похоти моей. Многие уже вошли на корабль. Я, по обычаю бесстыдно вскочивши к ним, крикнула: **«Возьмите и меня туда, куда вы отправляетесь, вот увидите, что я угожу вам»**. И прибавив несколько **иных скверных** слов, подвигла всех на смех. Они же, видя мое бесстыдство, взяли меня и ввели в корабль, и мы отправились в путь. **А что потом было, как поведаю тебе, о, человеце Божий!!! Какой язык изречет**, или слух примет, злые мои дела на пути и в корабле!? Как и не хотящих я, окаянная, понуждала на грех. Невозможно изобразить тех нечистот, описуемых и неописуемых, которых в ту пору я была учительница! Поверь мне, отче, **ужасаюсь я и дивлюсь, как понесло море блуждание мое; как не разверзла земля уст своих и не поглотила меня живую во ад! Ведь столько уловила я в сеть смертную!** Но думаю, что **покаяния моего** искал Бог, не хотящий смерти грешника, но с долготерпением ожидающий его обращения!

Так вот, с таковыми делами и заботами вошла я в Иерусалим и несколько дней, оставшихся до Праздника, там пробыла, **творя такие, как и прежде дела, а иногда и худшие**. Не довольствовалась я юношами, бывшими со мною на корабле в пути, но и **иных многих, и граждан иерусалимских, и странников собирала я на ту же скверну**. Когда же наступил Праздник святого Воздвижения Честного Креста Господня, я старалась войти в церковь с народом из притвора церковного, теснилась, но оттесняема была и отталкиваема назад. Будучи весьма угнетаема народом, с многим трудом и нуждою приблизилась к дверям церкви и я, окаянная. Когда же ступила я на дверной порог, другие все невозбранно вошли, мне же воспрепятствовала **некая Божественная сила**, не допуская войти. Я снова пыталась проникнуть внутрь храма, **но была отринута**, и одна стояла в притворе отверженная, все еще думая, что это случается мне от моей женской слабости.

Снова смешалась я с иными входящими в церковь, и усиливалась войти, но **все труды мои были напрасны**. И снова, как только нога моя грешная коснется церковного порога, **церковь всех примет, никому не возбраняя, меня же одну, окаянную, не принимает!** Как войнство, на то поставленное, чтобы **заграждать вход**, так снова и снова мне **запрещала войти** некая внезапная сила, и опять я оказывалась в притворе. Так **пострадав трижды и четырежды**, и все без успеха, **изнемогла я**, и все не могла присоединиться к входящим. К

тому же и **тело мое все болело** от угнетающих меня людей, меж которых я теснилась, стараясь проникнуть в церковь.

В стыде и отчаянии **отступила я**, наконец, и стала в одном из углов притвора церковного, и едва **несколько пришла в чувство, поняв, какая вина возбраняет мне** видеть Животворящее Древо Креста Господня!

Ибо коснулся очам сердца моего свет разума спасительного, заповедь Господня светлая, просвещающая душевные очи, показывающая мне, что **тина моих дел возбраняет мне вход в церковь!** Тогда начала я плакаться и рыдать, и бить в перси, износя воздыхания из глубины сердца.

Плачущись же на месте, на котором находилась, увидела я наверху **икону Пресвятая Богородицы**, на стене стоящую, и сказала из глубины души, неотвратно устремив к ней очи и ум: **«О, Дево Владычице, Рождшая плотию Бога Слова! Знаю, воистину знаю, что недостохвально и неблагоприятно Тебе, чтобы я, нечистая и скверная блудница, имеющая оскверненными и тело, и душу, взираю на честную икону Твою – Пречистая Приснодевы Марии, справедливо же есть мне, блуднице, возненавиденной и омерзненной быти от Твоея девственныя чистоты. Но понеже слышала я, что сего ради Бог человек бысть, егоже родила еси, да призовет грешников на покаяние, помози мне, единой, не имущей ни от кого помощи. Повели, да и мне невозбранен будет в церковь вход. И не лиши меня видеть честное Древо, на котором плотию пригвоздился Бог, рожденный от Тебя, Который и Кровь Свою дал за избавление мое! Повели, о, Владычице, да и мне, недостойной, двери церковные отверзутся к поклонению Божественного Креста. И будь мне Ты Поручница достовернейшая к Рожденному из Тебя, что никогда уж больше не стану я тело мое осквернять никаким блужения поруганием, но когда Древо Святое Крестное Сына Твоего узрю, мира и всего, что в нем, отвергусь, и тотчас же изыду туда, куда ты сама, как Поручница моего спасения, наставишь мя».**

Сказавши так и как бы получивши некое извещение, будучи **разжженна верою и утвержденна надеждою на благоутробие Пречистой Богородицы**, двинулась я от того места, на котором стоя, творила молитву, и снова присоединилась к входящим в церковь.

И уже **никто меня не отгалкивал**, никто не возбранял быть близ дверей, которыми входят в церковь. **Объял меня страх и ужас, я вся трепетала и тряслась.** Так достигши дверей, которые дотоле были для меня затворены, без труда вошла я внутрь церкви Святая Святых, и сподобилась видеть **Древо Честнаго и Животворящаго Креста, и видела Тайны Божия: и како готов есть принимати кающихся!** Падши же на землю, поклонилась честному Древу Крестному, и лобызала Его со страхом, и вышла, желая **прийти к Поручнице моей**. Придя на то место, где Поручницы моей изображение, **икона**

Ее святая , и поклонившись на колена перед Приснодевою Богородицею, сказала так: **«О, Присноблаженная Дево Владычице, Богородице! Ты показуешь на мне Твое преблагое человеколюбие! Ты недостойной моей не гнушаешься молитвы! Ибо я видела славу, которую поистине недостойно видеть мне блудной! Слава Богу, приемлющему ради Тебя покаяние грешных. Что же имею, грешная, более помыслить или сказать?! Время уже, Владычице, исполнить за поручением Твоим то, что я обещала! Куда изволишь, туда ныне наставь меня, отныне будь Сама мне на всю последующую жизнь мою спасения Учительница, руководствуя на путь покаяния »**. Сказав так, услышала я издалека идущий голос : **«Если перейдешь Иордан, найдешь добрый покой!»** Я же голос тот услышав и веруя, что он был ради меня, со слезами воззвала, взирая на икону Богородицы: **«Владычице, Владычице! Не оставь меня!»** И так возопивши, вышла я из притвора церковного и поспешно шествовала. Увидел меня некто идущую, дал мне три монеты, сказав: **«Прими это, мать!»** Я же, приняв монеты, купила на них три хлеба , спросив хлебопродавца: **«Где путь ко Иордану?»** Узнав же, где городские ворота, ведущие к той стороне, **вышла; шла и плакала** . Спрашивая дорогу у встречных, день тот окончила в пути, потому что был уже третий час дня, когда я сподобилась видеть Честный Крест Христов, а когда солнце уже преклонилось к западу, я достигла церкви святого Иоанна Крестителя, которая находится близ Иордана, в которой, поклонившись, сошла к Иордану тотчас же. И тою святою водою руки и лицо умыв, пошла в церковь и причастилась там **Пречистых и Животворящих Таин Христовых** . После сего съела я половину одного из имевшихся у меня хлебов, и пила Иорданскую воду, и почивала ночью на земле. А рано утром, найдя там небольшую лодку, переправилась в ней на другую сторону Иордана и снова помолилась Наставнице моей Богородице, чтобы наставила меня туда, где Ей Самой благоугодно. Так пришла я в пустыню сию, и оттоле, даже и до днесь, удалихся бегая и zde водворихся, чая **Бога, Спасающего мя от пренеогания души и бури, обращающюся к Нему** .

И сказал Зосима Преподобной: **«Госпожа моя, скажи, сколько лет прошло с тех пор, как водворилась ты в этой пустыне?»** Она отвечала: **«Думаю, что прошло около сорока семи лет, как я вышла из Святого Града»**. Зосима же сказал ей: **«Что ты здесь находишь себе в пищу, госпоже моя?»** Она сказала: **«Перейдя Иордан, я принесла себе полтора хлеба, которые постепенно высохли и окаменели. Помалу вкушая их, я жила много лет»**. Зосима сказал: **«Как же без воды пробыла ты столько лет? Неужели ты не претерпевала никакой беды от внезапного расслабления?»** Она же отвечала: **«О, авва Зосима, ты меня спросил о том, о чем я трепещу тебе отвечать, потому что, если вспомню все те напасти, от которых я пострадала, если вспомню те помышления лютые, которые столько причинили мне бед, боюсь, как бы они снова не оскорбили меня** . Поверь мне,

Авва, что я пробыла в этой пустыне **шестнадцать** лет, борясь с моими безумными похотями, как с лютыми зверьми! Ибо, когда начинала вкушать пищу, тотчас хотелось мне мяса и рыбы, которые имела я во Египте, хотелось мне и любимого мною вина: **ведь я много пила вина**, когда была в мире. Здесь же, даже не имея возможности воды испить, я была палима лютою жаждою, которую мне было ужасно тяжело терпеть. Бывало мне и **желание любострастных песен**, очень смущавшее меня и соблазнявшее **петь песни бесовские**, к которым я привыкла, будучи в мире. Но я тотчас, обливая себя слезами и с верою бия себя в грудь, воспоминала обеты, которые я сотворила, входя в пустыню сию. Мысленно же припадала к иконе Пречистой Богородицы, Споручницы моей, и у подножия Ея плакалась, прося **отогнать** от меня помышления, терзающие окаянную душу мою. По долгом же плаче и усердном биении себя в грудь наставала для меня великая тишина. Как же, Авва, исповедаю я тебе свои помышления, толкавшие меня на грех? Они, как огонь, разгорались в окаянном сердце моем и отовсюду всю опаляли меня, **принуждая ко греху**! Когда же такое помышление приходило ко мне, я повергала себя на землю, представляя (мня), что **Сама Споручница стоит и истязует меня как преступницу, показывая мне муку за мое преступление**. И не вставала я, поверженная на землю, ночь и день, пока снова сладкий свет не осиявал меня и не прогонял смущавшие меня помыслы. Я непрестанно возводила очи мои к Споручнице моей, прося от Нея помощи, и **воистину имела Ее Помощницей и Споспешницей к покаянию**. Так я скончала **семнадцать** лет, тьмами принимая беды, с тех пор же до **нынешнего дня Помощница моя Богородица во всем и на все руководит меня**».

Сказал же Зосима к ней: «С той поры разве не требовались тебе больше **пища и одежда?**» Она же отвечала: «Хлебы те, как я уже тебе сказала, кончились у меня по прошествии семнадцати лет, а потом я питалась травой, растущей в этой пустыне. Одежда моя, в которую я была одета, переходя Иордан, от ветхости истлела. Я много и тяжело страдала от зимней стужи и от летнего зноя, опаляемая солнцем или трясущаяся от мороза. Так много раз, падши на землю, долго лежала как бы бездушная и недвижимая. Многократно боролась я с многоразличными напастями и бедами. **И с тех пор даже до ныне Сила Божия многообразная и душу мою грешную, и тело унылое соблюла!** И помышляя только о том, **от какого зла избавил меня Господь**, приобрела я неоскудевающую пищу – **надежду спасения моего**. Ибо питаюсь и покрываюсь глаголом Божиим, содержащим **все**! Ибо не о хлебе едином жив будет человек. **И: елицы не имяху покрова, в камение облекошася, елико их совлечеса греховнаго одеяния!**»

Услышав же Зосима, что и словеса Писания воспоминает, от Моисея и пророков, и от книг псаломских, сказал ей: «Разве ты училась, госпожа, псалмам

и иным книгам?» Она же, услышав это, улыбнулась и сказала ему: «Поверь, человеке, что не видела я другого человека с тех пор, как перешла Иордан, кроме твоего лица ныне, **не видела ни зверей**, ни иных каких животных, книгам же никогда не училась, даже не слышала кого другого, поющего или читающего, но **Слово Божие, живое и действенное, Само учит разуму человека**. Ныне же заклинаю тебя воплощением Слова Божия: **молиться за меня, блудницу!**» Когда она это сказала и кончила рассказывать, устремился старец поклониться ей и со слезами возопил: «Благословен Бог, творящий великая и страшная, славная же и дивная и неизреченная, имже несть числа. Благословен Бог, показавший мне, **елика дарует боящимся Его!** Воистину не оставляешь Ты взыскующих Тебя, Господи!»

Она же не попустила старцу совершенно поклониться ей и сказала ему: «Заклинаю тебя, отче, все это, что ты слышал, **никому не говори** до тех пор, пока Бог от земли не возьмет меня. Ныне же с миром иди, и **снова в будущем году увидишь меня** по Божией хранящей нас благодати. **Сотвори же** ради Господа то, что я тебе поведаю с мольбою: в Великий Пост будущего года не переходи через Иордан, как обычай есть творить в монастыре». Удивился же Зосима, услышав, что она и чин монастырский знает и объявляет, и ничего другого не говорил, как только: «**Слава Богу, дающему великая любящим Его!**» Она же сказала ему: «Останься, Авва, как я прошу тебя, в монастыре, **ибо если ты и захотел бы выйти, то не сможешь...** Во Святый же и Великий Четверг, в вечер Таинственной Христовой Вечери, возьми часть Животворящего Тела и Крови Христа Бога нашего в сосуд священный, достойный такового таинства, принеси же и подожди меня на той стороне Иордана, вблизи мирского селения, чтобы я, придя, причастилась Животворящих Даров. Ибо с тех пор, как я причастилась их в церкви Предтечевой, прежде перехода моего через Иордан, даже донныне Той **Святыни** я не получала. Ныне же усердно **Ея** желаю и молю тебя: не презри моего моления, но непременно принеси мне Животворящее то Божественное Таинство в тот самый час, в который Господь сотворил участниками Божественной Вечери Своих учеников и апостолов. Иоанну же, игумену того монастыря, где ты живешь, скажи: «**Внимай себе и стаду твоему**», ибо там творится нечто такое, **что требует исправления**; однако хочу, чтобы ты это **не теперь** ему сказал, а когда тебе Господь повелит». Сказав это и попросив старца за себя помолиться, отошла она во внутреннюю пустыню.

Зосима же поклонился до земли, целуя то место, где стояли стопы ног ея, воздал славу Богу и возвратился, хваля и благословя Христа Бога нашего. Перейдя ту пустыню, пришел он в монастырь в тот день, когда был обычай братии возвращаться, и в тот год умолчал обо всем, не смея никому поведавать того, что видел. В себе же молил Бога показать ему снова желаемое лице,

скорбел же о том, что течение года слишком долго, и желал, чтобы год сделался кратким, как один день, если бы это было возможно. Когда наступила снова Первая Неделя Святаго Великаго Поста, сразу же по обычаю и чину монастырскому вся братия с псалмопением вышла в пустыню. Зосима же **был весь в жару** от тяжелой боли, отчего **невольню** должен был он **остаться в монастыре** ! Вспомнил он тут слова Преподобной, что **если бы он и хотел тогда выйти из монастыря, невозможно ему будет** , но лишь прошло несколько дней, как он встал от недуга и пребывал в монастыре. Когда же возвратилась братия и приблизился вечер Таинственной Христовой Вечери, исполнил Зосима завещанное ему: вложил в малую чашу часть **Пречистаго Тела и Крови Христа Бога нашего** , положил также с собою в корзину немного сушеных смокв, и фиников, и зерен, размоченных в воде, и пошел поздно вечером, и сел на берегу Иордана, ожидая Преподобную. Но, как она замедлила, пришлось ожидать ему немало, **но он не задремал** , а неуклонно смотрел в пустыню, ожидая усердно увидеть желаемое. Сказал же сам в себе старец: «**Может быть мое недостойнство** возбранило ей прийти, или раньше приходила она и, не видя меня, возвратилась». Так размышляя, вздохнул он, и прослезился, и, возвед очи на небо, молился Богу, говоря: «Не лиши меня и ныне, Владыко, видения того лица, которое видеть сподобил Ты меня! Да не возвращусь попусту, нося мои грехи на обличение мое!» Так помолившись со слезами, перешел он в другое помышление, говоря в себе: «Что же будет, **лодки то ведь нет** , как она сможет переправиться через Иордан и прийти ко мне, грешному? Увы моему недостойнству! Увы мне, кто сделал так, что я лишаюсь такового добра?» Пока так помышлял старец, **вот Преподобная пришла** и стала на той стороне реки, с которой шла. Зосима встал, радуясь и веселясь и славя Бога. Но он еще боролся с помыслом, что **не может** ведь она **переправиться** через Иордан. И вдруг видит, что она **осенила Иордан Крестным знаменем** (всю ночь тогда светила луна), и с этим знаменем сошла на воду и, **ходя поверху воды, направилась к нему** ! Он хотел поклониться ей, но она возбранила ему еще тогда, когда шествовала по воде, говоря: «Что ты делаешь, Авва? Ты – священник и несешь Божественные Тайны!» Тогда старец послушался ее, а она, выйдя на берег с воды, сказала старцу: «Благослови, отче, благослови!» Он же, ей отвечая с трепетом (ибо ужас его объял от предивного видения), сказал: «Воистину Бог неложен есть, обещавший **уподобить Себе** всех тех, которые себя по силе своей очищают. Слава Тебе, Христе Боже наш, показавший мне **рабою Твоею сею** , насколько я отстою от меры совершения». Когда сказал он это, святая просила его прочитать Символ святыя веры: «Верую во Единого Бога Отца Вседержителя...» и молитву Господню: «Отче наш, Иже еси на Небесех...». По конце молитв она **причастилась** Пречистых и Животворящих Христовых Таин и по обычаю

приветствовала старца. И воздевши руки к небу, прослезилась и возопила: **«Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое»**. И сказала старцу: «Прости, Авва Зосима, еще и другое мое желание исполни: иди ныне в монастырь твой, Божиим миром храним, а в будущем году приди снова на поток тот иссохший, на котором ты со мной вперед беседовал. **Приди, приди Господа ради, и снова увидишь меня, как хочет Господь...** ». Он же отвечал ей: «Хотел бы, если бы было можно, **ходить вослед тебя и видеть честное твое лице**; молю же: исполни одно, что я, **старец**, прошу у тебя: вкуси немного пищи, которую я принес сюда», и показал, что у него было, принесенное в корзине. Она же, **сочива** краями перстов коснувшись и **взяв три зерна**, приняла их в уста и сказала: **«Довольно этого благодати духовной**, которая хранит естество души неоскверненное». И снова сказала старцу: «Моли Господа о мне, отче мой, поминая всегда **мое окаянство** ». Он же поклонился пред ногами ея и просил ее, чтобы молилась Богу о Церкви, и о всех православных, и о нем. Прося об этом со слезами, сам стенья и рыдая, отпустил ее идти, не смея дольше удерживать ее; да если бы и хотел, **нельзя было ее удержать**. Она же снова оградила Иордан крестным знаменем и перешла его опять поверх воды. Старец же возвратился, одержимый многою радостью и страхом. Укорял же он себя и жалел о том, что **не узнал имени Преподобной**, однако надеялся узнать его на будущий год.

По прошествии же года снова пошел Зосима в пустыню, все исполнив по обычаю, и поспешал ко оному предивному видению. Пройдя же всю пустыню вдоль и достигши некоторых признаков того места, которое он искал, старец оглядывался направо и налево, всюду зорко смотря, будто охотник, высматривающий себе хороший лов. Когда же ничего движущегося нигде не обнаружил, начал обливаться слезами, и, возвед на небо очи, молился, и говорил: «Покажи мне, Господи, сокровище Твое некрадомое, которое в пустыни сей Ты скрыл, покажи мне, молю, во плоти ангела, с которым сравниться недостоин весь мир».

Так молясь, достиг он места, где обозначил себя высохший поток, и, став на берегу его, увидел на восток от него Преподобную, лежащую, мертвую. Руки ея были, как полагается, сложены крестом, а лицо обращено на восток. К ней же он притек, омывал слезами ее ноги, ни к какой же иной части тела не смел он прикоснуться. Сотворив многий плач и воспев псалмы, приличные времени той потребности, а также сотворив молитву погребения, Зосима сказал в себе: «Должен ли я погребсти тело Преподобной, или, может быть, это блаженной неуютно будет?» И это говоря в мысли своей, увидел он при главе ее следующую сделанную на земле надпись: **«Погреби, Авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии, отдай землю земле, моли же Господа за меня, преставльшуюся месяца, по-египетски – фармуфия, по-римски же – апреля**

в первый день, в самую ночь спасительных Христовых Страданий, по причащении Божественных Тайных Вечери». Сию надпись прочитав старец, вперед подумал: «Кто же писал : ведь святая, по словам ее, грамоты не знала?» Однако возрадовался весьма тому, что узнал имя Преподобной! Узнал он и то, что, когда Преподобная причастилась Святых Христовых Таин, сразу же оказалась на том месте, на коем преставилась. И тот путь, которым он шествовал двадцать дней с великим трудом, она прошла в один час и тут же отошла ко Господу! Славя же Бога, старец, и слезами омочая землю и тело Преподобной, сказал сам в себе: «Время уже тебе, старче Зосимо, повеленное исполнить, но как ты, окаянный, будешь копать землю, не имея в руках никакого орудия?» Стал он было копать небольшим деревцем, лежащим около него, но земля была пересохшая, никак не слушалась труждающегося старца, который копал и копал, обливаясь потом, но без всякого успеха . Вздохнув же из глубины духа, увидел старец огромного льва , который стоял около тела Преподобной и лизал ее ноги. Когда старец увидел зверя, вострепетал от страха, но вспомнил, что Преподобная говорила, что никогда не видела никакого зверя . Осенив же себя крестным знаменем, возымел в себе веру , что будет сохранен от всякого вреда силою Лежащая. Лев же начал приближаться к старцу, делая ласковые движения, как бы приветствуя его. Зосима же сказал льву: «Сия великая повелела мне погребсти ея тело, а я очень стар, не могу выкопать могилы и даже не имею орудия, потребного для такой работы, а от монастыря нахожусь в таком расстоянии, что не могу пойти и принести скоро то, что нужно. Выкопай ты когтями своими могилу, чтобы мне предать земле тело Преподобной». И как услышал лев слова, сказанные ему, как сразу своими передними лапами выкопал ров вполне достаточной глубины для погребения тела. Снова старец омыл слезами ноги Преподобной и много просил ее, чтобы молилась за всех , покрыл землею тело ее, которое было почти нагое, только отчасти прикрытое тем рубищем, ветхим, раздраным, которое при первой встрече дал ей старец Зосима.

И отошли оба : лев – во внутреннюю пустыню кротко и тихо, как овца, удалился, Зосима же возвратился восвояси, благословя и хваля Христа Бога нашего. И придя в монастырь, всем монахам поведал о Преподобной сей Марии, ничего из того не скрыв, что видел и слышал от нея.

Все удивились, слыша величия Божия, и стали со страхом, верою же и любовью творить память и почитать день преставления Преподобной сей Марии. Игумен же Иоанн по наставлению от Преподобной нашел в монастыре своем нечто, требующее исправления, и все Божией помощью исправил . Зосима же, пожив богоугодно, скончал в том же монастыре жизнь временную, имея возраст около ста лет от роду, и отошел на вечную жизнь ко Господу...

Бог же, предивная творяй чудеса и великими воздающий дарованиями с

верою прибегающим к Нему, да даст награду приобретающим пользу от сея повести, читающим ее и слушающим, и тому, кто постарался предать сию повесть написанию. И да сподобит их благия части Марии сея блаженныя со всеми теми, кто Богомыслием и трудами благоугодили Ему от века. Дадим же и мы славу Богу Царю вечному, да и нас сподобит **милость** обрести в день судный о Христе Иисусе Господе нашем, Емуже подобает всякая слава, честь, и держава, и поклонение со Отцем и Пресвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».